

СЕРГЕЙ ЦЫМБАЛЕНКО

Сны Виктора Левашева



Сергей Цымбаленко
Сны Виктора Левашева

«Издательские решения»

Цымбаленко С.

Сны Виктора Левашева / С. Цымбаленко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903142-6

Жизнь молодого человека проходит в снах, которые интересней реальности. Из-за этого неприятности на работе, в личной жизни. Есть ли выход из этой ситуации?

ISBN 978-5-44-903142-6

© Цымбаленко С.
© Издательские решения

Сны Виктора Левашева

Сергей Цымбаленко

Иллюстрации художника Евгений Алексеевич Медведев

© Сергей Цымбаленко, 2018

ISBN 978-5-4490-3142-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

– Слушай, где некролог на первую полосу? Я тебе вчера звонил.

Вопрос Геннадия Сергеевича, ответственного секретаря нашей молодежи, застал врасплох. Я писал, помню слово в слово: «Каждый понедельник мы собираемся на редакционную летучку, чтобы обсудить, какой будет газета на неделе. В этот раз с нами не было Петра Половникова. Он умер, несмотря на свои 36... „Он человек был в высшем смысле слова“, – говорил Гамлет. Это и про Петра. Лучше никто не писал про театр, кино»...

– Разве я не отдал вам текст?

– Не валяй дурака, а, – Геннадий Сергеевич поправил некрасивые очки, как у доисторического интеллигента. Наверное, в наследство от бабушки остались. Как мне перьевая ручка от мамы.

– Перьевой ручкой написано, с кляксой.

Да, ясно помню, как писал, а в чернильнице попался волос, который никак не хотел отлипнуть от пера. Остался след на бумаге и чернильная капля.

– Какая перьевая ручка? Где ты их видел в наше время?

Геннадий Сергеевич не знал, как реагировать. Может, это розыгрыш, а он шуток не понимал и боялся выглядеть смешным.

– В общем, не валяй дурака, гони некролог. Сейчас же.

Мне ничего не стоило слово в слово набрать на компьютере текст, который не выветрился из памяти. Зато появились сомнения. Неужели я уже тексты пишу спящим? А Шекспир? Можно ли его цитировать во сне?

С перьевой ручкой все понятно – она всегда на столе в память о маме. Мама переживала, что в школе отменили чистописание, поэтому заставляла меня в детстве чернилами и пером выводить буквы. Боялась, что почерк от шариковой ручки испортится. Не помогло. Дело в том, что у меня мысли опережают пальцы. Я стараюсь поспевать за ними, пропускаю буквы, слова или не дописываю предложения. Ну, это а ргоро, между прочим.

Я стал осознавать, что на самом деле творил во сне. Сначала прямо на оттиске газетной полосы для вычитки, где в верхнем правом углу было пустое место для некролога. Да, это был сон. Он выкристаллизовывался в сознании. Я начал писать красной краской с помощью кисточки, как китайцы, потом понял, что это ни к чему и перешел на перьевую ручку. Аккуратно написал. Всего одна клякса! Мама бы гордилась мной.

После ее смерти я стал спать больше, чем положено взрослому здравомыслящему человеку. Если никто не тревожит, как по выходным, могу отключиться до вечера, а то и на сутки. Сначала просыпаюсь, как обычно, с рассветом. Но это слишком рано. Если сразу не встал, то наваливается сон-дурман, который окутывает и держит в своих ватных объятиях. Я встаю, делаю зарядку, пью кофе, а потом оказывается, что все происходит не наяву. На самом деле сплю, несмотря на два будильника. Один – почти полметра в диаметре, специально подарен мне в редакции на тридцатилетие, чтобы не просыпал на работу. Он орет, как... Как наш глав-

ный редактор, когда не в духе. Не помогает. Я про будильник. Мобильный телефон извергает каждые пять минут разные мелодии, но и он зря старается. Меня могла кроме мамы растормошить подруга Светка, если, конечно, сама не спала. Да где она, зараза.

Мама, пока не слегла от болезни, работала продавцом в книжном магазине.

– Старшим продавцом, – поправила бы она меня.

Да, старшим продавцом. Это значит, что опекала молоденьких девушек, приходила на помощь в случае конфликта. Неприятности возникали из-за посетителей, которые листали книги, хотя явно не собирались их покупать. Замусоленную пальцами продукцию сначала не списывали, а вычитали стоимость из зарплаты продавцов. Вот молодые по неопытности и набрасывались на посетителей-вредителей. Потом для читающих покупателей столики поставили, лишь бы приходили в магазин. Влияние Запада.

У меня была в детстве привилегия на чтение. Мама обертывала книгу газетой, чтобы не испачкать, следила, вымыл ли я руки. Я рос в окружении книг, воспринимая их как часть самого себя. Иногда не хотелось из вихря литературных событий возвращаться к вялотекущим будням. Разве может противно морозящий дождь сравниться с морской бурей, рвущей паруса и сбивающей с ног? Или сражение на шпагах с гвардейцами кардинала – с унижительным вымогательством у тебя парнями денег на улице? Я бы тоже с удовольствием пошел работать в книжный магазин, помогал выбирать книги, особенно детям. Многих продавцов дети раздражают, потому что только картинки рассматривают, решение о покупке все равно принимают родители. Я бы для них сделал в магазине читальные места (не обязательно столики, сойдет и ковер на полу) и с удовольствием наблюдал, как они погружаются в завораживающий мир, забывая обо всем. Родители призывают вернуться к ним, а ребятам не хочется. Они реагируют, если призывы усиливаются подзатыльником.

Хорошее чтение сродни снам. Да, похоже, только источники фантазий разные. В книге ты переживаешь воображение автора, а во сне творишь сам. Я с детства легко переходил из чужой реальности в свою – с упоением спал. Правда, сны не помню. Маме героическими усилиями удавалось меня будить даже на занятия в университет. Я не выдерживал ее увещаний, похожих на зубную боль.

– Только не это, – говорил я и вставал.

Благодаря упорству и терпению мамы, я получил высшее образование и вместо продавца стал психологом, по призванию пошел работать в школу.

Директор Тамара Рафаиловна в связи с моим появлением собрала «малый педсовет» с завучами и заместителями. Бывший работник городского управления образования, подверженная новым веяниям, она «положила на меня глаз» во время практики, когда я с воодушевлением тестировал старшеклассников и предлагал им программу личностного роста.

– Нам это очень нужно, – сказала в конце практики директор и устроила прощальный чай с тортом.

И вот долгожданный первый рабочий день. Я чувствовал себя как на экзамене, когда вытягиваешь билет, к которому хорошо подготовился.

– Как нам всем известно, задача школы – не сумма знаний, а вооружение детей инструментами самообразования и саморазвития, умения выстроить свои отношения с обществом и моделировать будущее. Я выстроил соответствующие блоки: «Кто я. Как стать успешным», «Я и семья, коллектив, общество», «Моя будущая профессия». Бонус для учителей (совместно с учителем информатики): «Как использовать интернет в процессе преподавания».

Участники, вернее, участницы педсовета озадаченно листали красиво оформленную программу. Я старался все сделать в образных рисунках, таблицах. Тамара Рафаиловна смотрела на меня, как Державин на лицеиста Пушкина с известной картины Репина.

– У нас уже сверстан учебный план, – обращаясь к директору, сказала вечно усталая и озабоченная завуч Инна Александровна. – Родители и так жалуются на перегрузки.

– Будем внедрять постепенно. Начнем с профориентации в девярых-десятых классах. Там же есть шесть часов на факультатив, – предложила, одобрительно улыбаясь, Тамара Рафаиловна.

– Ах, постепенно. Тогда другое дело.

Они, видимо, понимали друг друга с полуслова.

– А еще наш молодой коллега поможет составлять отчеты о работе школы с учетом своих программ роста, с прекрасными картинками.

Так я попал в капкан. Работа с детьми стала моим личным увлечением, а красивые презентации и отчеты главным делом. Потом стали сокращать ставки, и Тамара Рафаиловна предложила что-нибудь преподавать, чтобы не терять ценного работника. Я сбежал.

К счастью, еще студентом, я увлекся радиовещанием – на городской студии придумывал литературные викторины для ребят. Моей гордостью была игровая передача «Капитан Книга». Каждый раз я увлекал юных радиослушателей в путешествие по мотивам литературных событий. Чтобы спасти Капитана, нужно было вспомнить, в какой книге происходило подобное происшествие и написать в редакцию. Например, плывем по реке на прогулочном катере, а компас взбесился, показывает не тот маршрут. Конечно же это случай из «Пятнадцатилетнего капитана» Жюль Верна. Ищи вредительскую железку. Писем от моих слушателей приходило рекордное количество, и я получал помимо ставки хорошие гонорары. Только я собрался искать спонсоров, чтобы с лучшими читателями отправиться не в воображаемое, а в настоящее путешествие с приключениями на пароходе, как детскую редакцию вместе с передачей закрыли. Нас перевели в молодежку, где нужно по несколько часов трепаться в эфире и проводить глупые викторины, лишь бы держать внимание слушателей. Мне везло – позвали в газету «Голос молодых», где я и прозябаю. И тут куча рутины, никому не нужных материалов, пребывание в редакции, даже если нет работы. Сидишь, гоняешь с коллегами чай и не только. Но пока деваться больше некуда. Поневоле заснешь от скуки и тоски, едва доберешься до кровати. Она у меня просторная, удобная. Валишься, иногда даже не раздеваясь, и...

Я приехал освещать какой-то детский фестиваль. И застрял. Начался карантин из-за непонятной болезни. Открываю ящик в гостиничном шкафу с вещами, а оттуда насекомые вылетают и червячки ползают. Ужас. Гниение ни с того ни с сего. Только я собрался вычищать ящики, в комнату зашел высокий юноша с осмысленным лицом. Вылитой мой Капитан Книга. Он поддерживает исхудавшего парнишку в шортах, в больших глазах которого страдание и мольба, на влажный лоб налипли волосы.

– Надо немедленно к врачу! – говорю я.

– Оттуда не возвращаются, – отвечает юноша.

Он ведет больного приятеля в ванную, моет, вытирает полотенцем. Мальчика тошнит, несмотря на попытку сдержаться. На полу желчная лужица, как бывает после похмелья, когда в желудке не остается никакой еды.

Ребята уходят, а я понимаю угрозу происходящего. Для больных детей, которые исчезают, попадая к докторам, для себя лично.

Это сон. Я просыпаюсь, но не могу выйти из него, лихорадочно продумывая свои действия: все промыть, дезинфицировать, уничтожить грязные тряпки. Начать журналистское расследование под видом добровольческой помощи врачам... Стоп, зачем, я ведь проснулся у себя в квартире. Но несчастные дети остались там, во сне, без помощи. Если сны – это особая реальность, то я бросил там несчастных детей в трудную минуту, предал. Противно на душе, надо сделать попытку вернуться.

Засыпаю и оказываюсь в редакции. Детально вижу кабинеты, всех коллег. Захожу в комнату, которая служит нам кухней. Здесь газовый котел на ножках, он стоит на полу и сходит с ума – дребезжит и урчит. Да он же сейчас взорвется! Это чья-то диверсия против меня. Но при чем тут другие люди? Срочно прошу всех покинуть помещение, руковожу эвакуацией, а сам опять просыпаюсь. Взрыв прогремит без меня. Успокаиваю волнение тем, что это уж точно сон – в редакции никогда не было газа. На всякий случай поспешил в офис, проверить, как там. Все спокойно. Сотрудники сидят за столами, бродят со скучающим, но спокойным видом.

Вроде не сплю. Нужно воспользоваться этим и осмыслить происходящее. Сделал себе большую кружку кофе. Итак, сны овладевают мной, и то, что происходит в них для меня очень важно. Переживания сильнее, чем при просмотре ужастиков, не говоря про менее драматичную действительность. Я научился покидать сон в минуту опасности, когда сердце готово выпрыгнуть из грудной клетки – это, наверное, хорошо. Не хватает только умереть во сне от инфаркта. Представляю себе, как лежу в одинокой квартире, некому скорую помощь вызвать. В редакции хватились: «Где Левашов? Опять запил?» – «Хуже. Спит». Приходят, взламывают дверь, а я сплю, но уже вечным сном. Так не годится, хорошо, что срабатывает чувство сонного самосохранения. Но что делать с, возможно, дурацкой ответственностью за происходящее? В оставленном мною пространстве-времени – взрывы, пожары, эпидемии, гибнут детки. Возникшие при моем участии и брошенные очаги опасности – это жутко. Стоп, разве я виноват? Сон как кино, к которому я причастен, но он не подчиняется моей воле – вырвавшееся на свободу воображение.

– Эй, старичок, не найдется ли закурить? – спрашивает, глядя мимо меня Димон, которого в газете переделали в Демона Абрамовича из-за постоянно печального и задумчивого состояния.

– Ты же знаешь, что я не курю.

– Ах, да...

Может, он тоже спит, только наяву?

Можно запутаться, где реальность, а где сон. Черно-белая тусклая действительность больше похожа на сон, а сон с яркими картинками и событиями – на реальность. В той реальности со мной происходят серьезные трансформации.

Вот я ворочаюсь с боку на бок, потому что у меня в районе сосков два файла для информации. Я как бы флешка. Моя психика разлагается на несколько составляющих и должна быть переформатирована. Это очень неприятно и, по-моему, небезопасно. Надо просыпаться или менять лингвистический сон. Поворочался – и получилось. Теперь сняты «пустые» слова. в них нет смысла или образа. Как предметы без тени. На основе логического силлогизма вывожу – «слова без тени». Почему-то мучительное ощущение от этих слов. Может, мир теряет смысл? Сначала исчезнет смысл, а потом и сам мир. Я сканирую себя и размещаю в другую реальность сна как в компьютер.

Просыпаюсь от звуковых трелей. Звонит надувной игрушечный телефон. Я поднимаю трубку... Молчание, но я понимаю, что это мама. «Мама, мамочка, это ты? У меня все хорошо, ну почти. А как там?» Тишина. В этот момент я понимаю смысл выражения: «гробовое молчание».

Мама умерла. Светка ушла. Я брошен в пустой квартире на съедение мыслям и воспоминаниям, которые высасывают из меня жизненные силы.

Изо дня в день, или из ночи в ночь, снится, что наш кот Кыс, как маленький ребенок, пытается по-человечески выговорить слова. Иногда получаются даже фразы. Во всяком случае, кот пытается показать, что понимает мою речь. Раньше наяву я часто обращал внимание на его осмысленный взгляд и желание быть понятым. Сидим, бывало, одиноко, смотрим друг на друга, вздыхаем. Заканчивается тем, что кот лезет целоваться в губы. Видимо, привычка

от прежних хозяев. Маленьким котенком, Кыс объявился у нашей двери и стал жалобно мяукать. Мама вынесла блюдце с молоком. Котенок стал приходить каждый день, и уже требовал еды. Старушка-соседка, спускаясь по лестнице, укоризненно сказала: «Что же животное мучаете? Эх, хозяева...» Мама хотела оправдаться, но передумала и пустила котенка в квартиру. Он быстро обнюхал все и выбрал себе место на кухонном диванчике. С именем мудрить не стали – просто «Кыс». Если я сердился на него, то звал «Крыс». Кот недовольно отворачивался и переставал реагировать на меня.

Кыс невольно ускорил мамину смерть. У него была привычка бродить по карнизу за окном, выжидая птиц. Периодически он делал прыжки, пытаясь их поймать. Вот в такой момент маме показалось, что кот падает, и она устремилась его спасать. А потом схватилось за сердце.

– Больно, ой как больно. Ты же знаешь, я терпеливая, а сейчас не могу.

Врач «скорой» сказал, что нужно срочно в реанимацию. Виновато объяснил, что носилок нет, только клеенка, на которой носят мертвецов. Ничего не оставалось, как согласиться. Кошмар. Соседи замерли на лестнице и смотрели на этот ужас. В реанимации я предложил молодым медсестрам деньги, так как мама настолько стеснительная, что на горшок не попросится. Они отказывались, уверяя, что это их обязанность, но все-таки взяли. Мама быстро пошла на поправку. Ее перевели в общую палату, а там пожилая медсестра оказалась мегерой. Деньги не взяла и сказала, что никому прислуживать не собирается. Мама на каждом свидании говорила: «Домой, домой, домой». Врач ни в какую. Почему я не послушал маму? Единственный раз в жизни. В шесть утра позвонили, что мамы больше нет. Она лежала в гробу, поджав губы, наверное, от досады. Она не ждала выздоровления, а домой хотела, чтобы в последний миг я был рядом. Мог подержать за руку. Во время отпевания в церкви кружила надоедливая муха, которой неведомо было, что я прощался с самым дорогим человеком. Навсегда.

Кыс вскоре после похорон устался в одну точку и перестал есть. Ветеринар объяснил, что отказали печень и почки. Предложил усыпить, чтобы не мучить животное. Теперь Кыс приходил проводить меня в снах, разучивая новые слова. Каждый раз он пытается выговорить что-то важное. Я терпеливо жду.

Бедный я, бедный, никому не нужный человек. В самый раз обращаться к практикующему психологу. Забавно: психолог приходит к психологу, я, наверное, начну ему или ей помогать подбирать ключи к своей личности. Психиатров я боюсь. С помощью таблеток они начинают манипулировать сознанием, человек теряет самого себя, попадает к ним в зависимость. Пожалуй, это мучительней зубной боли. Я решил пока справляться сам и проложить тоннель между реальностью и снами, записывая их с точной хронологией. В компьютере появилась папка «Сны», где разделы по годам, месяцам. Каждый файл обозначен числом. Если записывать сон, когда помнишь хотя бы одну деталь, его можно вытянуть, как за веревочку.

В пять утра во сне сделал открытие, что вещи могут быть живыми. Лучше всех это знает гардеробщик нашего издательского комплекса. Он, как пастух, прилагает огромные усилия, чтобы не разбежались пальто, шапки, перчатки, шарфы. Вот почему он повесил объявление: «Мелкие вещи не берем». Поди угонись за ними. Придумалось название одушевленных предметов: эдипки. Как-то они связаны с эдиповым комплексом Фрейда.

Чтобы разорвать плотный круг снов, я попытался более или менее лояльным коллегам рассказывать про свои видения.

– Ты это всерьез рассказываешь? – откликнулся Димон на эдипки. – По-моему, это уже клиника, пора к врачу.

Зинуля, которой за сорок, но изображает из себя девочку, долго смеялась. Видимо, до нее дошел подтекст, который наверняка обнаружил бы Фрейд в виде множества половых членов. Закончив смеяться, Зинуля изрекла: Жениться тебе пора, Витенька».

Беспросветно. Все или посмеиваются, или шарахаются от меня, как от прокаженного. Я остался один на один со снами. Никто не понимает, что без них меня бы не озаряли идеи, из-за которых я ценим и терпим в редакции. Вот организовал к юбилею газеты «штурм» здания спелеологами. Весь город пришел смотреть, как вечером с фонариками во лбу ловкие юноши и девушки спускаются с крыши на тросах к нам на восьмой этаж. Почти сон, не правда ли? Или явь как сон.

Фрагменты снов, которые я запоминаю и сразу записываю при пробуждении в ночи, стали складываться в новые сны, я помню такие до мельчайших подробностей. Вот я показываю наш город королеве Англии по поручению редакции. По-английски больше нието не говорит свободно. Кругом какие-то помойки, нагромождения, которые трудно преодолевать. Я помогаю почтенной даме не застрять и говорю: «Вы записывайте все в блокнотик, что надо приводить в порядок с вашей помощью». Просыпаюсь гордый, ведь я гулял с королевой. В следующем сне наступает расплата за непочтительную вольность. Появляется экран с изображением отрубленной головы и надписью: «Сегодня ты потеряешь голову». Я стараюсь быть осторожным, чтобы избежать этой участи. Но вот в воздухе повисает металлический диск, выслеживает меня, настигает и сносит голову. Очень неприятно. Я приделываю ее обратно и бегу к маме. Она заматывает стыки лейкопластырем, и голова продолжает жить. Но я чувствую, что опасность не миновала. Самое страшное – ожидание очередного сна и предстоящей казни во второй раз. От переживаний крепко засыпаю и просыпаюсь с целой головой. Пронесло.

И снова казнь. Сон-фильм. Спиной к зрителям стоит шеренга подростков, среди которых и я. Кто-то объявляет, что должен казнить двух из нас. Есть ли добровольцы? Впереди вверху, как в перспективе на рисованных картинах, видна камера с металлической дверью, где совершается казнь. Страх охватывает меня. Страшна не просто смерть, а ее ожидание. Если бы прозвучал выстрел, и ты умер – это не так страшно, как неизвестность. Что тебя ждет? Насколько мучительной и продолжительной окажется казнь. Только бы не я... Называют одного из нас, рядом со мной слева, спрашивают последнее желание. Юноша хочет с балкончика последний раз взглянуть на мир. Идея! Если я буду следующим, то попрошу прогулку, не оговаривая, насколько она будет продолжительной. За это время, глядишь, что-то произойдет. Например, что-нибудь случится с нашим мучителем. Я вижу взрыв, в котором он погибает, а мы обретаем свободу.

С утра надел один белый носок, другой черный. На летучке закинул по привычке нога на ногу – и обомлел. Народ веселится. Я объявляю, что они ничего не понимают, это новая мода. Просто я не нашел оригинальные цвета, например, фиолетовый и зеленый. Главред рявкнул, что показ мод надо проводить не в рабочее время.

Я не потерял чувство юмора – это обнадеживает. А во сне можно шутить?

К моим запоям относились более лояльно, чем к снам. А ведь я приносил вред не только себе, но и окружающим. Однажды напился у знакомых, поминали маму. Они посадили меня на автобус, и я сразу заснул. Проснулся от того, что водитель тряс меня.

– Эй, парень, тебе где сходить? – Я назвал остановку. – Это в другую сторону, я в парк.

– Как же быть?

Он вытолкал меня. Неподалеку стояла милицейская машина, и патрульные стали приглядываться ко мне. Я к ним, бухнулся на колени и заплакал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.